

Александра Зайцева

Моя Аника

Повесть

Шар — это куб без углов и ребер.
Соня Шаталова.
Девочка, страдающая аутизмом.

Иногда я становлюсь круглым и легким. Синим. Поднимаюсь в небо и сливаюсь с ним. Мама думает, что я сплю с открытыми глазами. Ходит на цыпочках, старается не шуметь, чтобы не потревожить мою тишину. Иначе я испугаюсь и буду кричать — это естественно, когда лопаешься и воздух со свистом уходит из тела. Но мама осторожна, а я цел.

Я замираю над нашим домом. Ветер зовет путешествовать, но тонкая белая нитка тянется от балкона и не пускает. Она привязывает меня к маме. Эта нитка. Я не против: лететь с ветром боязно, он переменчив. Поэтому остаюсь на месте, смотрю по сторонам, жду, когда покажется папа.

Папа — Жираф. Он ужасно высокий, просто так не разглядеть. Ведь я маленького роста, а он не наклоняется. Гудит под потолком, и слова летают вокруг люстры, будто мотыльки. Не цветочные бабочки, а ночные мохнатые грузные летуны. Их крылья пропитаны серой пылью. Если бы я светился ярко, папины мотыльки подлетали бы ближе. Но я тусклый. И все же мне очень хочется узнать папу.

Я — шарик, и жду над крышей. Голова Жирафа высоко, даже облака не скроют. Мы встретимся лицом к лицу, и он улыбнется. По-настоящему, а не как мама.

Мама улыбается, словно плачет. Подкладывает мне под спину подушку, гладит по голове, включает телевизор и кривит губы. От этого нитка между нами натягивается. Улыбка у мамы плоская, пришитая небрежными красными стежками. Мама — Лоскутная Кукла. Пестрая, разная, сверху мягкая, а внутри — крепкий железный каркас. Хорошо, что он есть и не дает маме упасть, я не уверен, что папа поможет ей подняться. Никто не поможет. Даже те, которые иногда бывают в нашем доме. Они приходят нечасто и вовсе не для помощи.

— Это Егор, — говорит им мама, и ее губы мучительно изгибаются. Чтобы я не подумал, что она меня стыдится.

Александра Зайцева родилась в 1981 году в Германии в семье военнослужащих. Жила в Грузии, на Украине, с 1998 года — в России. Окончила Брянский государственный университет им. ак. Петровского. Автор книг для детей «Валины сказки», «ЧудоДети» и «Когда мы дружили с феями». Лауреат ряда литературных премий за стихи и прозу.

Живет в Астрахани. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Какой симпатичный мальчик, — сразу отзываются другие с такими же загогулинами вместо рта. Чтобы мама не подумала, что я им не нравлюсь. А потом добавляют торжественными голосами, вроде как хвалят:

— У него умный взгляд!

Вот уж удивление. Мне тринадцать лет, немало для человека. К тому же у меня есть книги, интернет и телевизор — голове тяжело от мыслей. Просто это не очень заметно снаружи. Таким, как они. Хотя, чего ждать от социальных работников, волонтеров и всяких проньр?

— Инфекция была, — горько вздыхает мама. — А теперь вот...

— Не отчаивайтесь, это не приговор! Главное — верить!

Им легко говорить, они сострадательно пожимают и пойдут домой. А мама останется. Одна. Если считать меня, то вдвоем. Втроем, если считать меня и ее страх.

Болезнь. Вот что пугает маму. Она так и говорит: «Болезнь». Мой диагноз не законченный, под вопросительным знаком. Знак этот похож на кобру, которая стоит на хвосте, выгнув спину. Может, укусит, а может и нет. Мама боится змей и диагнозов.

Но Болезнь — штука бестелесная, ее нельзя потрогать. Другое дело — я. Мама часто думает, что это вовсе не я, а чужой. Злой дух, который вселился в тело ее сына. Он сидит во мне и безразлично тарашится на нее, как, например, кузнечик. Кузнечикам люди без интереса. Мама никогда не признается, что это и есть самый большой ужас. Я. Каждодневный и долголетний. Навсегдашний чужак.

Если бы я умел, то сказал бы, что нет никакого чужака. Только она не поверит, ведь легче спихнуть вину на кого-то другого, даже придуманного. Это он украл мою способность говорить. А может быть, я сам не хочу? Раньше, давно, у меня это неплохо получалось, но разве я сказал тогда хоть что-то важное? Или вот мамина сестра — толстая лупоглазая Цикада, которая прилетает «проведать бедняжек» и трещит без умолку:

— Ой, как ты плохо выглядишь! Устала? Егор совсем отошел. А мужа твоего опять дома нет? Смотри, бросит он вас. А это что? Обои отклеились. И кафель в ванной давно сыплется, ремонт бы сделать. Ну да, денег нет, все на лекарства тратишь. Как тяжело! Ай-ай-ай!

Мама слушает и злится. Прижимает языком к нёбу горькое ругательство, словно сморщенную перечную горошину. Я каждый раз жду, что она ее выплюнет. Но зря. Мама раскусывает противный кругляш, обжигает рот, терпит. Не так часто у нас случаются гости, а без разговоров жизни не бывает. Так думают другие, но мне хорошо в молчании.

Правда, голос я все-таки подаю. Когда кричу. Но ведь все люди временами громко злятся. Разница в том, что я просто ору, а другие заряжают свой гнев обидными словами. Хорошо, если их звуковые пули причиняют быструю боль, словно резиновые, но если они стальные, то рвут кожу.

Временами папины мотыльки перестают порхать возле лампочки, складывают крылья в острые линии и летят в маму железными дробинами. Она отвечает тем же, да без толку — папа большой, не достать. А мама хоть и тряпичная, но кровоточит. Я-то вижу. И начинаю голосить. Визжать. Пусть они отвлекаются на меня, все ерунда, если зажмуриться. Не терплю красный цвет, он — кровь. Красному положено быть внутри людей.

Хуже всего, когда кровь течет по прозрачным трубкам. Или когда ее набирают в шприц. Это гадко, потому что неправильно. Пораниться — обычное дело, но спокойное отнимание крови в больнице вызывает панику. Я миллион раз попадал в лапы процедурных Комарих. Их пальцы похожи на клешни, на такие железные хвататели, как у роботов из кино. Они делают меня слабым и расплюснутым внутри, это насилие. Но медсестры так не считают и ругаются:

— Да что ж такое?! Мамочка, успокойте ребенка! Обычный анализ, а он в истерике, кош-ш-шмар!

«Я вам не “мамочка”! Прекратите выкручивать руки моему сыну!» — привычно проглатывает мама. Потому что всякий больной — попрошайка у докторского порога.

Больничная жизнь хороша для тех, кто умеет впадать в спячку. Здесь нет дней, все они — один тугой комок из жеванных бумажек. Эти влажные волокнистые катышки безвкусны. Почти. Словно немного лижешь мел или шершавую известку со стены. Люди в палатах ничего не делают и не думают, просто ждут, когда боль спрячется и можно будет уйти. Мне лучше не стало, но я всем надоел, и они оставили кобру в медицинской карте. Чтобы мама увела меня домой. И хорошо, лишь бы не пытали иголками.

Есть еще реабилитационные центры — санатории для тех, кого нельзя вылечить, но можно обнадежить. Для перекошенных детей. Их мнут, вытягивают, пичкают лекарствами, как будто они не люди, а мятая одежда: надо хорошенько отутюжить и все наладится. Кто смотрел им в глаза? Кто спрашивал, хотят ли они налаживаться? Я тоже не спрашивал. Сами они редко протестуют. Катаются животами на большущих резиновых мячах, пытаются отталкиваться худыми спичечными ногами, перебирают скрюченными пальцами разноцветные кубики и покорно тянут «дэ-э-э», вместо «да-а-а». Я не такой, но эти ребята все равно симпатичные. Потому что похожи на маму. То есть на твердую проволоку в ней. Но если мама прямая и обшита мягкими цветными лоскутками, то они — нет. Голый каркас, на который наступил великан, когда они рождались. Подавленные дети. Но только снаружи.

Из всех разглаживателей больше всего не люблю массажистов. Особенно тетку-Бетномешалку, которая приходит к нам домой. Мне она не нужна. Это мама боится, что без гадких навязчивых прикосновений я совсем испорчусь: «Понимаете, Егор мало двигается, редко выходит на улицу и учится дома, поэтому ему необходимо разминать мышцы». Мои вопли ее не разубедили. Бетномешалка их вообще не заметила. Пришлось смириться с невоспитанными ручищами и вылетать в окно, превращаясь в шарик всякий раз, когда она являлась. Пока ее место не заняла Аника.

Аника может подниматься над любым домом и отправляться куда захочет. Желания ветра ей безразличны, потому что она — Воробей. Я это понял по запаху. Воробьи пахнут чердачными тайнами и хлебной корочкой. А еще меня восхищают любые крылья, особенно маленькие и быстрые — Аникины.

Когда она пришла в первый раз, я готовился к зиме. Был гусеничной куколкой и раздумывал о том, что может сниться в коконе. Не спал, а именно думал. К тому же я устал — не так просто правильно обмотаться шторой. Мама сказала:

— Егор, Светлана Андреевна...

«Бетномешалка» — мысленно поправил я.

— ...не смогла прийти, сегодня ее заменяет э-э-э...

— Аника, — подсказал незнакомый голос. — Можно Аня.

— Хочешь поздороваться с Аней? — закончила мама.

Я не хотел.

— Егор? — не отставала она.

— Егор?! — вот же упрямая! Похоже, мама разозлилась. Это плохо, если бы я был собой. А я не был.

— Он не может, — вмешалась гостя. — Он — мумия.

— Что? — подозрительно переспросила мама, будто незнакомка призналась в собственном постыдном диагнозе.

— Египетская мумия, — чуть смутившись, начала объяснять та. — Знаете, обмотанные бинтами тела фараонов? Это игра. Правда?

Последний вопрос прозвучал ближе. Она, наверное, наклонилась ко мне. Я лежал за диваном и не двигался. Конечно неправда! Полная чушь! Кому захочется

быть затхлым древним покойником? Во что он может превратиться? Я возмутился и открыл глаза, чтобы посмотреть на эту Анику-Аню. Не из-за глупостей про мумию, а оттого, что она странно разговаривала. Голос высокий и немного поющий, но твердый. Особенно на буквах «м» и «г». «Р» словно немножко подрагивает, першит. А в конце каждого предложения маленькая закорючка, чуткая неуверенность. Поэтому я посмотрел.

Она совсем не похожа на Бетономешалку. Та большая, суставчатая и широкая, как лось. Эта — тоненькая девочка взрослого размера. У той лицо слеplено из белого пластилина, а у этой оно коричневатое, с черными глазами. И волосы наверняка не похожи на желтый блин. Но это я догадываюсь, потому что под платком не видно. Он блестящий, с узлом на затылке и длинными краями, падающими на спину — намотать такую красоту не легче, чем окуклиться в шторе. И я вдруг подумал, что голова Аники тоже в коконе и ждет превращений.

В общем, я открыл глаза. А девушка улыбнулась. Необыкновенно. Всей собой. И тогда я заплакал внутри. И начал выбираться из душной тряпки.

Аника делала массаж бережно, но твердо. Не сказать, что приятно, но убежать в окно я не стал. А вот мама нервничала. Нитка между нами дрожала от напряжения, если эту нитку потрогать, то можно порезаться. Мама сторожила мой крик. Зря.

Бетономешалка больше не приходила. В следующий раз я ждал Анику, подготовился к ней. Но когда она увидела мамин шарф, кое-как обвязанный вокруг моей головы, чуточку обиделась:

— Зачем тебе это?

— У него страсть заворачиваться в ткань, — пояснила мама.

Аника присела на диван и, неодобрительно поджав губы, осмотрела мою повязку.

— Вижу, что старался, — деловито сказала она, — но получилось так себе.

Хочешь, научу?

Я медленно стянул шарф и отдал ей. Потом показал на ее платок. Неужели не поймет? Аника повертела шарф в руках и спросила:

— И мне снять?

Я кивнул.

— Тебе интересно, что у меня под платком? Думаешь, я лысая?

Не думаю. Зачем воображать, если можно посмотреть?

— У вас, наверное, обычаи такие — волосы прятать? — неловко спросила мама. — Егор, есть вещи, которые людям делать неприятно. Если Аня не кричит, как ты, это не значит, что ей нравится твоя просьба.

— Все в порядке, дело не в обычаях, — Аника повернулась ко мне: — Просто я терпеть не могу свои волосы. Они не слушаются и торчат в разные стороны как сумасшедшие.

Я снова легонько прикоснулся к ее платку. Мама озадаченно выжидала, ведь я никогда не трогаю людей. Аника вздохнула, размотала скользкую цветастую ткань и сняла заколку. Ух! Миллион блестящих черных пружинок вырвался на свободу! Тугие закрученные пряди отливали синим, их было так много, что лицо Аники казалось маленьким и кукольным, по-детски нежным. И как только ее тонкая шея выдерживает вес этой мягкой пышности? Я незаметно спрятал руки за спину, потому что они подрагивали от желания погладить чудесные аникины волосы.

— Видишь? — серьезно спросила новая знакомая. — Если их постричь, станет еще хуже, моя прическа превратится в стог сена.

Она тряхнула головой, и буйные локоны качнулись, задевая плечи. Потом вскинула смуглые руки, щелкнула заколкой и ловко вернула платок на место. Я обиженно отвернулся. Люблю красоту и ненавижу, когда ее прячут. А ведь люди только этим и занимаются, не понимают, что красота — это когда отличаешься от

остальных. Хотят быть одинаковыми, навряд ли муравьев. А несогласных затолкать подальше, в чулан или под половицу.

Вот, например, подавленные дети. Многие считают их уродливыми, хотя и не говорят об этом вслух. Такое надо скрывать, а то назовут несострадательным грубияном. То есть надо брезговать молча. Но это очень красивые дети. Хрупкие и полупрозрачные, невесомые. Глядя на них, я думаю о подснежниках. Кто еще осмелится настолько поверить в себя, чтобы сделать невозможное и зазеленеть в снегу? Точно не я. Нет.

Аника тоже отличается от многих и печалится из-за этого. Вот уж горе так горе, даже смешно. Ну, было бы смешно, если бы я умел веселиться. А ей вечно кажется, что люди морщат носы, будто она прокисла. И не хотят дружить. В случае со мной или с мамой это зря. Мама называет Анику «милая девочка», но только если та уходит и не может услышать. Папа вообще не называет. Когда он однажды оказался дома и застал Анику, она так съежилась, что могла бы уместиться в моем кулаке. Это правильно. Жираф легко наступит на воробья, просто потому что не заметит его с высоты своей громадности. К счастью, он спокойно прошествовал мимо. А еще хорошо, что для маленькой серой птички безвредны громкие лупоглазые цикады.

Мамина сестра заявила спустя примерно месяц после нашего знакомства с Аникой. Тяжело вздыхая, уселась на папин табурет и начала поедать печенье и конфеты с таким видом, будто ее угостили сушеными тараканами: и противно, и жалко погибших насекомых. А мама доверчиво сообщила ей новость. Громким шепотом. Перекрестившись, поплевав через оба плеча и постучав по дереву.

— У нас новая массажистка. Кажется, Егору лучше!

— Да ты что?! Нашли-таки знающего специалиста?

— Нет! Молоденькая девочка, нерусская, кто бы мог подумать!

И мама описала Анику.

— Ты с ума сошла?! — заверещала сестра. — Ты кого в дом пустила?! Вдруг она террористка?!

— Глупости, — обиделась мама, — если девушка ходит в платке, это еще ничего не значит.

— Я всегда подозревала, что ты идиотка, но не настолько же! Егор слабоумием в тебя пошел! По телевизору сто раз говорили, как опасны такие нерусские, они фанатики и убийцы!

После этих слов мама, наконец, выплюнула пару едких ругательств и прогнала тетку. Не потому что обиделась за Анику, а из-за слов про мое слабоумие. И правильно. Я вышел на балкон посмотреть, как надутая Цикада выкатывается из подъезда и садится в свой тупоносый автомобильчик. Жаль, что нечего в нее бросить. Может, увлечься разведением комнатных цветов? Иногда в них заводятся пылевые клещики, будет интересно понаблюдать. И кидаться горшками удобно.

Я привычно оглядел улицу, папиной головы нигде не было видно. По тротуарам ходили люди, и многие из них подумали бы про Анику плохо. Они ведь не коричневые и без платков. От этой мысли стало горячо в горле. Несправедливость — тоже насилие, только с другой стороны. С худшей стороны.

После тетких рассказов про убийц мама начала осторожно расспрашивать Анику об ее семье. Мне это показалось предательством. Правда маленьким, если предательство вообще имеет размер. Аника охотно рассказывала. Оказалось, что у нее много родни, они живут в поселке на юге среди таких же темнокожих людей. Когда Аника была ребенком, им пришлось уехать из родных мест. Потому что сначала у всех была общая страна — у них, у нас и у всяких прочих, а потом она развалилась. Аника так и сказала: «развалилась». И я представил, что по глобусу ударили молотком. Кто-то больше папы. Со всей силы. Глобус лопнул и посыпался жесткими фанерными кусочками. Мама о таком не думала, она спросила, как Аника оказалась в нашем

городе, который не юг, а север. Очень просто, ответила Аника, здесь работает один из старших братьев, она приехала к нему, теперь учится на детского доктора и подрабатывает массажисткой.

И мама успокоилась. Постепенно она перестала следить за нашими сеансами лечебного рукоприкладства и ждать от меня воплей. К тому же я начал «проявлять чувства»: показал Анике альбомы про жуков, нарисовал ее с распущенными волосами. Хотел объяснить, что вижу ее прекрасной. Мама посчитала эти мелочи сказочным волшебством, и мы отправились в церковь.

Я бывал там раньше раз или два, но только потому, что мама больше не справлялась с «духовной пустотой». А заполнить ее можно лишь в гулком сумрачном доме с луковичной крышей. Это настолько важное дело, что стоит рискнуть и выйти к людям, которые могут пожаловаться на мои странности. Тогда я окажусь в особой больнице. Мама уверена, что такое возможно и готова беречь меня дома, но оставить не с кем.

Вообще-то мамина сестра могла бы подменить ее ненадолго. Если бы не была пустобрюхой Цикадой. Но каждый человек именно тот, кто он есть. Он может здорово притворяться, пока не решит, что всех обманул. И тогда потеряет убедительность. Как шкафчик в нашей прихожей. Вроде дубовый, но клеенка с деревянным рисунком кое-где топорщится и видна желтая пластмасса.

Кроме болтливой сестры у нас есть две бабушки и один дедушка. Они «спелись» про то, что дефективных детей положено отдавать в специальные интернаты. Интернаты — мамин огромный страх. Следующий, после Болезни. И хотя одна бабушка изредка звонит по телефону и дает нашей банковской карточке немного денег, я ее не знаю. Так и получается, что когда мама идет в церковь, ей приходится брать с собой ненормального сына. То есть меня. А ходить надо, там раздают силы и милость. Тем более — сейчас, когда я стал улучшаться.

Церковь мне нравится, в ней тихо, сонно, приятно пахнет жженым сахаром и слезами. Никто не мучает губы улыбками. Серьезное место. Мама становится медленнее, обмякает и много раз шепчет: «Спасибо». Она глядит на картинку с грустной женщиной, а та смотрит мимо всех и держит на руках мальчика. Всегда малыша. На стенах много других портретов, но все они — мужчины. Я одобряю мамин выбор, наверняка единственной даме неуютно в бородатой строгой компании, она чужая среди них. Отличаться всегда нелегко. Но я, например, не стыжусь себя и делаю что захочу.

В церкви я хочу задувать свечки, мне их жалко. Однажды мама зажгла газ на плите и отвлеклась. Голубые хвостики торчали из круглой горелки, немного шипели и подрагивали. Я накрыл их ладонью, чтобы удержать, успокоить. Оказалось, что это огонь. Он поранил руку, но не съел. Со свечами все намного хуже, они — еда для огня. Поэтому я немного постоял рядом с мамой, а потом вытек из-под ее тревожной оберегающей тени, которая похожа на раскрытый зонт. Я всегда растекаюсь в подобных местах, плавно и беззвучно перекатываюсь. В церкви или в кабинетах особо важных врачей. Так меня труднее рассмотреть.

Я скользил позади сгорбленных в поклонах людей, гасил огоньки и ловил ртом тонкие струйки дыма. От этого на языке появлялся вкус пыльных солнечных лучей. Теплый. Правда, наестся вволю не удалось, мама заметила и повела к выходу. Я покладисто обошелся без крика, но потянул ее к прилавку у двери. Старая продавщица-Уховёртка вопросительно уставилась на нас, и я ткнул рукой в небольшую картонку с изображением грустной женщины с младенцем.

— Показывать пальцем нехорошо! Тем более в храме! — прошипела тетка.

— Он не разговаривает, — извинилась мама.

— Больной?

Мама неопределенно кивнула. Уховёртка продала нам картинку и заявила

напоследок, что дети страдают за грехи родителей. Я бы мог назвать ее злыдней. Но мама сразу смирилась и почувствовала себя виноватой, хуже тетки-продавщицы, чего та и добивалась. Хорошо, что мамин железный каркас гнется, но не ломается.

На следующий день я показал портрет церковной дамы Анике.

— Ее зовут Мария, — пояснила та.

Какая разница? Я потрогал пальцем изображение там, где голову и плечи закрывает платок. Это же просто! Аника коснулась своей шелковистой повязки и просияла:

— Думаешь, у нее тоже ужасные волосы?

Нет! У нее замечательные волосы, как у тебя! И ее никто не считает террористкой, вместо этого говорят: «Спасибо»! Посмотри, в твоём платке нет ничего плохого. Хотя без него намного лучше».

Аника задумалась, а потом сказала:

— Перед тем как у Марии появился сын, ей не верили. Подозревали, что она поступила плохо. Наверняка сторонились и обижали. А потом захотели погубить ее ребенка, — она блеснула улыбкой: — но Мария убежала.

«Все убегают, — мог бы сказать я, — все без исключения. Но ты останься. Я буду тебя защищать».

И мне кажется, что она поняла, во всяком случае, поняла про платок. С тех пор мы начали разговаривать. Вернее, Аника делилась историями, воспоминаниями и даже тайными мыслями. Я узнал, что у нее есть жених: когда она была маленькой, одноклассник поклялся похитить ее и взять замуж. Но прошло так много времени, что Аника забыла, какой он. И от этого стало еще интереснее, ведь можно воображать романтические истории, будто в кино. Аника любит фильмы о влюбленных дамах в старинных платьях, даже пересказала мне парочку. А я думаю, что все — глупости, особенно про жениха. Она и сама это знает. Просто жить без выдумок слишком скучно. Ей, но не мне. И все же у нас много общего.

Иногда Аника засматривается на какой-то предмет, и глаза ее похожи на экраны выключенных телевизоров. Мне это знакомо. Еще я уверен, что ее сны интереснее реальности. Потому что ничейные люди умеют верить в ненастоящее и мечтать о подвигах. Или хотя бы о поступках. Чтобы сказать себе: «Вот зачем я просыпаюсь каждое утро». Аника тоже мечтала, хотя рассказывала о другом.

Я слушал, очень внимательно слушал, а мое лицо становилось глупым. Оно двигало бровями, щеками, подбородком и даже носом само по себе, отзываясь на слова Аники. Не то чтобы очень, но заметно. Мама поставила картинку с Марией возле кровати и благодарилась каждый вечер. Теперь нас было трое, если считать Анику. Четверо, если считать Марию.

Весной Аника повела меня гулять во двор. Она обрела мамино доверие, незаметно покрылась им, будто прохладное апрельское солнце сумело подзолотить ее кожу. Мама смотрела с балкона, как мы сидим на корточках возле старого тополя, спрятавшись за ним от всего мира. Как разгребает прелые коричневые листья. Нужно выкопать ямку, положить в нее фольгу от шоколадной конфеты, желтую монетку, бархатистый вербный комочек и закрыть стекляшкой — наш первый секрет. Потом мы сделали много похожих тайников, и сами не могли бы все найти. Это правильно. На то они и секреты, чтобы лежать подальше от людей.

Но самое главное, ценное и удивительное мы не закапывали в землю, а носили в себе. Аника — в голове, в самой середине мыслей. Мама — чуть ниже ребер, там, где закручивается тугий узел, когда страшно. Я — в правом зрачке. Если прищурить левый глаз, то словно прицеливаешься этим зрачком. Вот где мы прятали свое важное. Наш Китай.

Он пришел к нам внезапно и навсегда. В тот день Аника немного пахла пригорелым молоком — она тревожилась, хоть и притворялась обычной. От этого моя

слюна стала противно горчить, приходилось заставлять себя сглатывать. Я надеялся, что все обойдется. Но Аника не могла промолчать.

— Скажите, — начала она, разглаживая мои плечи, — а врачи давно назначили Егору массаж?

— Дождешься от них! — фыркнула мама. — Я сама знаю, что делать.

И она пустилась в долгие рассуждения о малоподвижности, которая губит здоровье мускулатуры. Аника терпеливо слушала, не поднимая глаз от моей спины, а когда мама закончила, тихо сказала:

— Я бы не спрашивала, если бы приходила к вам бесплатно. Но так плохо получается, будто я обманщица. Ведь Егор хорошо развит, мои услуги по-настоящему не нужны.

«Нужны!» — мысленно закричал я.

— Нужны, — заволновалась мама. — Егор изменился, вы просто не видели его раньше! Я не знаю специальных терминов, но он оттаивает, понимаете? Это настолько заметно, что я думаю о поездке на реабилитацию. Ведь медики могли ошибиться, когда сказали, что Егор неизлечим, теперь я в этом уверена.

— Конечно! — поддержала Аника.

— Только где найти подходящую клинику? Беда у нас с такими болезнями: прописывают психотропные таблетки, да и все. Ну, логопед, психолог, а толку нет.

— Вы не думали про Китай? Они лечат разных детей, и таких, как Егор, а результаты иногда удивительные! — Аника заметно оживилась. — Например, нам на кафедре показывали мальчика с параличом, запущенного, без правильного лечения, даже сидеть не мог. Голову не держал. У него еще эпилепсия, врачи боялись назначать многие процедуры из-за приступов. Так китайцы взялись за этот случай. Всего два месяца их особого массажа, растяжек, иглоукалывания, гимнастики, и он садится! Сам! Представляете?

— Да, я слышала похожие истории, — грустно отозвалась мама.

Она облокотилась о подоконник и уставилась в окно. То есть лицо было повернуто к нему, но глаза не видели улицу. Они вообще ничего не видели, мама ушла в собственную тишь. Несбыточные мечты — это мучительно, в них слишком много голода.

Аника начала разминать мою поясницу, глядя на маму и делая немного больно:

— В Китае уникальные методики, хоть и непривычные для нас. Многие не доверяют иглоукалыванию и банкам. Или травам — мы не приучены к ним. Но это работает. Не хотите попробовать?

— Нет.

— Почему?

Потому. Вот есть луна в небе. Ею можно любоваться, о ней можно читать, но откусить сладкий лунный кусочек? Нет, невозможно.

Мама ответила иначе:

— Нам это не по средствам. Слишком дорого.

«Слишком дорого, далеко, трудно, нелепо, глупо», — и много чего еще она могла добавить. Но сказала только про деньги. Никто не любит обсуждать бедность, это позорно. Но Аника не собиралась отступать, она нащупала собственную нужность и ухватилась за нее крепче чем за мои измятые бока.

— А вы уже обращались в китайскую клинику? Знаете, какая сумма нужна?

Мама раздраженно хмыкнула:

— У нас нет любой суммы.

— Можно, я все-таки узнаю? А вдруг все не так плохо? Я сама, ладно?

Понятно же, помогать не запретишь. Мама пожала плечами. Аника узнала. Раздобыла адреса подходящих благотворительных фондов и научилась собирать деньги в интернете. И люди давали. Деньги, да. Нам — чужим и незнакомым.

Поразительно! Китай приблизился на полшага, потом на длину чемпионского прыжка, потом стал почти виден с балкона.

Вряд ли мама действительно поверила, что однажды мы поедем в далекую страну. Ее захватил бурный поток Аникиной помощи, завертел хоровод отзывчивых людей. Словно закончилось время сонного отупения, многолетнего окукливания и наступила цветочно-нектарная пора. Теперь у нас дома появлялись другие женщины, понимающие Болезнь и готовые делиться опытом. Они казались непохожими близнецами, не призывали крепиться и верить в лучшее, не смотрели жалобно. В мою честь провели благотворительный концерт с выставкой-продажей детских рисунков и ярмарку игрушек ручной работы. Я присутствовал и был паинькой, ведь рядом сидела Аника.

Аника расцвела, расправила воробьиные крылышки, поняла, что они замечательно справляются с большой высотой. И мама стала быстрой, танцующей. Теперь в их глазах не было страха, на его место пришло чувство полезности.

Папа не замечал веселых сквознячков, гуляющих в квартире. Не видел, как колышутся тюлевые занавески, стараясь выпрыгнуть в окно навстречу Китаю. Не чувствовал тепла, толчками выплескивающегося из мамы. Он приходил поздно, принося ароматы тропических цветов и ярких колибри. Эти запахи облаком окутывали его длинную шею.

— Я тут узнала про одну клинику, — за ужином сказала мама. От неуверенности слова подрагивали как желе, но доньшки у них были твердые, с острыми металлическими ободками. — Про китайскую клинику. Возможно, отвезу туда Егора.

— Да? — неопределенно отозвался папа.

— Там замечательные врачи. Мы найдем деньги, и у нашего мальчика появится шанс.

— Кто «мы»?

— Я... и волонтеры. Еще фонды.

— От меня что надо?

— Ничего.

— Вот и хорошо.

И Жираф задрал голову, не желая растрачиваться на мелюзгу под ногами. А мама зажмурилась и заставила себя проглотить привычные горькие зернышки. Она получила что хотела — папа не станет мешать. Почему же так обидно? Ей, а мне нет.

Обиды — мелкие зловредные блохи. Не смертельно, а зудит. Тем более противно, если занят интересным делом. Я был очень занят: съедал по три тонны знаний в день, и все о Китае. Старался уложить их в отдельные ящички, навести порядок в уме, но это слишком трудно. Поэтому картинки, статьи и сказки лежали в моей голове кучами. Что за удовольствие в них рыться, выискивая сокровища. Залезать в самую гущу и сидеть с умным видом. А еще я придумал себе шелковые шаровары, рубашку со стоячим воротничком и маленькую круглую шапочку. И для Аники тоже, у китайцев и девушки могут так ходить. Правда, от платка придется отказаться, надеюсь, что она сможет.

Не знаю, понравится ли Анике в Китайском царстве, и еще больше не знаю, как там будет мне.

Китайцы едят насекомых. Например, саранчу и гусениц. Нанизывают их на палочки и жарят, это плохо. Но к сверчкам относятся иначе, держат их в домах как хомячков или попугайчиков. Это хорошо. Китайцы громко говорят, даже кричат. Все эти миллионы людей одновременно орут. Это плохо. Но и я смогу вопить в свое удовольствие, не очень-то выделяясь из толпы, это хорошо. В Китае любят красный цвет. Это плохо. Но их докторам не нужно пускать кровь по трубкам, чтобы узнать про болезнь, они все понимают, приложив палец к пульсу. Это хорошо. Китайцы не касаются друг друга при чужих людях и не улыбаются кому попало. Это тоже хорошо.

И мне нравятся их монахи в оранжевых платьях. Они тихие. Жаль, что я родился не таким истуканом с бритой головой.

Твердолобая Цикада вернулась после того, как увидела нас по телевизору. Меня и маму. Журналисты приехали раньше условленного времени, и мама не успела покрыть себя искусственной прелестью, поэтому напоминала серый хлебный мякиш. Я смотрел запись и удивлялся, до чего у нее стрекозиные руки. Они взлетали, цеплялись за подол домашнего платья, скользили по подлокотникам кресла, теребили провод маленького прицепного микрофона. Мама заикалась, часто моргала, а в конце чуть не расплакалась. Ведущий похвалил ее за это: зрители должны нас пожалеть, тогда будет больше денег. Только маме не хотелось жалости, она впервые осмелилась громко рассказать обо мне. Это как раздеться при всех, даже труднее. А я не встал с кровати. Так и засняли: скрюченный бугорок под покрывалом, кусок щеки, ухо и закрытый глаз.

Зато когда пришла мамина сестра, я выглянул в коридор. Интересно же.

— Ты прости меня! Я не со зла глупости говорила, — застрекотала Цикада. — Девчонки на работе спрашивают: «Это твоего племянника по телевизору показали?». Так сочувствуют! Вы прямо знаменитости с Егоркой, и все вам помогают. А что же я, разве не родная тетя? Неужели останусь в стороне?

— И чем ты хочешь помочь? — спросила мама.

— Ну, денег тебе и так дадут, у меня лишних нет, сама знаешь. Могу поехать с вами в Китай.

— Не получится. У Егора только один сопровождающий по договору.

— Может, сделают исключение?

— Не сделают.

На самом деле это неправда, с нами поедет Аника. Она сказала, что не подведет меня и не бросит. Иначе я не согласен. Но маминой сестре можно и приврать, лишь бы отвязалась.

— Да-а-а? А я думала... — обиженно протянула та и нехотя предложила: — Могу с Егором посидеть, пока ты занята.

— А как же аллергия на его лекарства? — недоверчиво спросила мама.

— Потерплю чуток. Дел у тебя немного, всего-то раз в неделю на пару часов.

— Хорошо. Завтра придешь?

— Завтра?.. Ладно.

Что?! Не хватало еще! Если надо, со мной побудет Аника! Она расскажет про Запретные сады императора или почитает вслух русско-китайский разговорник, хихикая над каждой фразой. Наша любимая: «Нин бу ши ишэн. Нин ши вэйхай фэнцзы!», что значит: «Вы не врач, вы — вредитель!». Аника выдавливает ее через хохот и вообще часто смеется. В прошлый раз принесла тонкие деревянные палочки для обеда, а мама приготовила суп. Вот была умора. А что делать с Цикадой? Не останусь с ней! Нет!

Я открыл рот, захватил побольше воздуха и бешено заорал. Мама вздрогнула. У тетки подогнулись колени, она попятилась к выходу, приседая, будто солдат под обстрелом.

— Мне пора, потом поговорим!

— Да! В другой раз! — согласилась мама, распахивая дверь.

Как только тетка вышла на лестничную клетку, я замолчал. Раз — и тишина.

— Позвони мне! Если журналисты опять захотят снять про вас передачу, обязательно сообщи! — голосила Цикада из подъезда. — Я приду!

Дверь захлопнулась. Мама прислонилась к стене и посмотрела на меня. С ней происходило что-то странное, и началось оно в черных серединках ее глаз. Искры. Робкие, крошечные. Они словно выплывали из густого мрака, преображая маму. И вот к вискам потянулись тонкие морщинки, скулы и подбородок потеряли уверенность,

стали беззащитными, а губы изогнулись. Совсем чуть-чуть, но это была улыбка! Настоящая, хоть и потаенная. Я даже не видел ее, а чувствовал, как иногда чувствую чужое любопытство позвонком между лопатками.

— Я тебя раскусила, маленький притворщик, — ласково сказала мама. — Ловко ты ее прогнал.

Дальше случилось невероятное: я подмигнул ей в ответ.

С Аникой тоже происходили чудеса, ее собственные. Например, большой незнакомый человек. Он явился прямо к ней домой, вернее, домой к ее брату. Аника сказала, что открыла дверь и увидела ноги, которые долго не заканчивались. Она все поднимала голову и думала, что этот человек — сказочный дэв. Но он оказался не великаном, а просто мужчиной, высоким и широким, с красным угрюмым лицом. Такие не ошибаются адресом и приходят жаловаться на племянников Аники. Не потому, что мальчики невоспитанные или грубые, нет, они обыкновенные школьники. Но некоторым людям приятно их ругать. И лучше не спорить, Аника давно научилась покорно извиняться.

Только он не стал возмущаться и поучать, этот человек, он спросил, кто она мне. Мне, Егору. И тогда Аника испугалась по-настоящему, ведь собирает в интернете деньги на мое лечение. Вдруг он назовет ее обманщицей? А он не назвал, дал конверт и сказал, что хочет остаться неизвестным жертвователем. Аника сначала не взяла, предложила ему приехать к нам, поговорить с мамой, но мужчина отказался: некогда добираться в другой конец города.

— А откуда вы знаете, где я живу? — заволновалась Аника.

— Это нетрудно, было бы желание, — многозначительно ответил он. И добавил: — Передайте мальчику деньги.

— Давайте я напишу расписку?

— Не надо. Я вам верю.

И он ушел.

Не знаю, что было в том конверте, но заглянув в него, мама на пару минут забыла дышать и только открывала рот, как магазинный карпик. Она сказала, что мы точно поедem на лечение, осталось совсем немного. Аника тоже радовалась, но больше не деньгам. А тому, что ей верят.

Потом китайская клиника прислала приглашение, нас ждали: внесли в график процедур и приготовили комнату. Мама напоминала ребенка в праздничный день. Она с восторгом предвкушала радостное путешествие, но в то же время опасалась, что не очень хорошо себя вела и ее оставят дома. Взрослых вообще легко напугать. Сначала это делают те, кто вокруг, а продолжают они сами. И считают детские страхи выдуманными. Но вот, к примеру, темнота. Она настоящая и липнет к телу. Разве не жуть? Это не взрослое: «А если мне будет плохо», — это уже плохо. Или оказаться взаперти кому-то на потеху. Как в старом ДК с кривыми колоннами, где мы с Аникой смотрели насекомых.

Выставка называлась: «Жизнь с холодной кровью». Аника подумала, что мне будет интересно, но мама не согласилась. Тогда я демонстративно встал в угол спиной к ней. Вот такая замечательная находка для меня и неприятная неожиданность для нее. Новое слово в семейных отношениях. Мама растерялась.

— Он — умница, — убеждала Аника, пока я страдал, уткнувшись носом в старые обои. — К тому же еще утро, будний день, там не будет посетителей.

— Я не уверена, что он не станет кричать, — сомневалась мама, опасливо поглядывая на мой затылок.

— Так спросите у него!

Мама даже удивилась, что сама не додумалась спросить.

— Егор! — строго позвала она. — Ты обещаешь не кричать, что бы ни случилось?

Я повернулся, кивнул, но понял, что этого мало. Аника не могла помочь, а кто

мог? Мария! Через минуту я держал в руках ее церковный портрет. Показал его маме и снова торжественно кивнул. Это больше чем клятва.

— А ты хитрый жук! — восхищенно протянула Аника, когда мы вышли на улицу.

Жуки не бывают хитрыми, поэтому они мне нравятся. Люди способны понимать животных и птиц, придумывать им характеры, находить человеческие черты в их повадках. Даже крокодила делают то добряком, то чудовищем, как будто он сам выбирает, как себя вести. А через хитиновые панцири насекомых не пробьется даже самое буйное воображение. Только пчелы и муравьи — исключение, они привычные, как собаки с кошками. И создают почти общество, более-менее понятное людям. Но на выставке обошлись без пчел.

В длинной узкой комнате, напоминающей коридор поликлиники, едко пахло лапшой быстрого приготовления и дырявыми трубами. Вдоль стен тянулись клетки, реже — стеклянные ящики, захватанные любознательными посетителями. Жирные отпечатки пальцев казались выпуклыми и сразу привлекали внимание. Пятна, а не живые экспонаты. Тощий парень взял наши билеты и сразу вернулся в дальний угол. Наверное, доедать то, что пахло. И спасибо, без него лучше.

Конечно же главными диковинами были тропические змеи, лягушки, ящерицы и черепахи. Я бы с радостью поговорил с ними, невесомо скользя ладонями по стенкам аквариумов, если бы меня не позвал паук-птицеед. Ворчливый старик мучился от острых горячих лучей галогеновой лампы. Я бы мог помочь, но пришлось идти мимо из-за обещания не скандалить: вряд ли зрителю выставки понравится мальчишка, по-хозяйски выключающий свет. Точно не понравится.

Жуки-скарабей не обратили на меня внимания, и богомолы тоже. Зато мадагаскарские тараканы дружелюбно подошли поздороваться. Дольше всего я смотрел на жука-Голиафа. И Аника.

— До чего он огромный! — прошептала она.

Могучий жук не шевелился, лежа на опилках. Его полосатый панцирь тускло отражал ненавистные лампы. Вот бы сказать Анике, что ему негде летать. И незачем. Даже я, когда становлюсь воздушным шариком на нитке, счастливее Голиафа. Аника не могла прочесть мои мысли, но ей хватало своих:

— Этот бедолага похож на тебя. Узник аквариума. Только он в ловушке из-за других, а ты залез в нее сам. Неужели тебе нравится отсиживаться за стеклом? Наверное, да. Потому что так удобнее.

На самом деле Аника говорила не для того, чтобы я услышал, она отстраненно разглядывала жука и болтала в пустоту. Не знаю, что хуже: ее отдельность от меня или глупые слова. Бесчестные слова! Между прочим, у меня есть справки из больницы, в них все написано! Это Болезнь, понятно? И кто из нас носит дурацкие тряпки, чтобы прятаться под ними?! Я сделался быстрым, как жабий язык, и схватил край ее платка. Аника удивленно подалась назад.

— Да, я тоже сижу в опилках. Как толстая ленивая многоножка, — улынулась она. Хотела притвориться, что мы просто шутим. Только я не поддался, сдернул платок, смял и бросил на пол. Аника медленно наклонилась, подняла, спрятала под ним короткую пушистую косу. На меня не посмотрела. И я на нее. И мы оба — на Голиафа.

Я и сейчас не понимаю, что тогда произошло. Ведь если бы кто-то другой обидел Анику, я бы его ударил. А себя не стал.

Дома Аника сказала маме, что все прошло замечательно. И правильно сделала. Они сидели на кухне, обсуждали аэропорт, часовые пояса, переводчиков с китайского и мамину новую стрижку. Строили планы. Голоса накатывали и удалялись, прерывались короткими смешками, почти исчезали в многозначительном шепоте. Раздражали. Пришлось их отключить, чтобы звуки обтекали меня и не тревожили. Я думал.

В одеяле, словно в коконе, прижимая к груди Марию. Теперь я много знал про нее и ее сына. А про себя ничего не знал.

Я — Егор. Я — ребенок. Не подавленный, целый на вид. Но живу в себе. Мою Болезнь проглотила вопросительная кобра в медицинской карте. В змеином животе непроглядная темень, поэтому сложно сказать, как выглядит эта Болезнь. А вдруг она маленькая и дружелюбная? А что если ее можно приручить? А что если...

Вот о чем я думал весь день и с чем уснул. А когда проснулся, увидел голубую небесную полоску в прорехе между занавесками, маму у моей кровати и старуху.

Старуха похожа на Цикаду, только древнюю: засушенную, твердую и хрусткую. Но это сходство оболочек, верхнего слоя. Она не растекается по стулу, как та, другая, а сидит прямо, вращая ногами в желтые квадраты линолеума.

— Егор, это твоя бабушка, — небрежно сказала моя мама, будто присутствие ее мамы обычное и даже скучное дело. Она плохо притворялась, я слышал стеклянный звон в гласных звуках.

Старуха чуть наклонила голову и быстро ощупала меня занозистым взглядом. Могла бы вывернуть наизнанку, но не стала, потому что в ответ я вцепился в нее своим.

— Он не похож на дебила! — гаркнула она.

— Егор — не дебил.

— Но он же не просто немой?

— Не просто, — мама обратилась ко мне: — Не пугайся. Бабушка не понимает, что если человек не разговаривает, то это не обязательно от глухоты или слабоумия.

— Не пори чушь, — отмахнулась старуха, но громкость убавила. — Значит, он здоров?

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

— Вот и не спорь со мной!

— Я не спорю.

— А что ты делаешь? А?

Мама сжала кулаки, я резко сел. Можно ведь орать до тех пор, пока Цикада Номер Два не уберется отсюда. Я прогоню ее от тебя, мама, можно? Но она предостерегающе погладила меня по руке. Нитка между нами дрогнула и начала наматываться на ладони, связывая, обволакивая, делая нас вместе. Она крепкая. Эта нитка. С коротким шелковистым ворсом. От нее немного щекотно.

— Ладно, не о том разговор, — смягчилась старуха. — Ты уверена, что в Китае его исцелят?

— Его зовут Егор, — напомнила мама.

— Я в курсе. Ты не ответила.

— В Китае другая медицина. Врачи занимаются не отдельными органами, а лечат организм целиком. Иногда они поднимают лежачих. Никто не сможет точно сказать, что Егор станет здоровым, но...

— Вот именно!

Мама осеклась:

— Что ты сказала?

Старуха уперлась руками в колени и подалась вперед. Она сумела нависнуть над нами из другого конца комнаты.

— Твой Егор не станет здоровым. Не перебивай! Можешь верить во что угодно, это не мои проблемы. Но я скажу. Знаешь, что тебе действительно нужно? Научиться с ним жить. Не скулить каждый день, загигаясь от жалости к себе, а просто по-человечески жить. Как научилась я, когда твоего отца разбил инсульт. Но ты ничего не знаешь об этом, потому что сбежала, да?

Мама сжала мое запястье до синяка и прошипела:

— Я вышла замуж!

Старуха откинулась на спинку стула:

— Как не назови, суть не изменится. Ты собрала вещички и умотала. А я всякого нахлебалась. Так что не слишком рассчитывай на волшебные китайские клиники. Прими то, что есть.

— Спасибо за прекрасный совет не лечить больного ребенка.

— Да лечи сколько угодно! Только постарайся не забывать, что он твой сын, а не только вечный пациент и обуза.

Мама подобралась, словно для прыжка. Она не собиралась отступать:

— Ты права, всегда права. Но почему-то раньше требовала, чтобы я отдала Егора в детский дом.

— Он постоянно кричал. Я рада, что это прошло. — Старуха встала и явно собралась уходить.

Мама не шелохнулась. И когда Цикада Номер Два положила на стол толстую пачку купюр со словами: «Это от всех нас, на удачу», — и когда за ней хлопнула дверь: «Дети страдают за грехи родителей», — почему я это вспомнил? Глупость несусветная. Попробуй разберись, кто больше нагрешил. Легче китайский алфавит выучить.

Аника пришла в восторг — семья воссоединяется! Что может быть важнее родных людей? Да, нас навестила только одна бабушка, но дала понять, что и другие родственники беспокоятся. Это только начало, будущее уже готовит радость и сладость! Скоро все мы будем сидеть у камина в свитерах домашней вязки и обмениваться подарками. Словно в рекламе сока или зубной пасты. О, волшебный Китай, ты уже даришь счастье! Но главное впереди, давайте собираться! Ура-ура-ура!

Примерно так щебетала Аника и заражала нас пенистым лимонадным возбуждением.

Мама купила новую сумку, голубую с разноцветными звездами. Огромную. Потому что в Китае может быть жарко, холодно, дождливо, снежно — мало ли какое у них лето. Или внезапно случится цунами, или камнепад. Сумка раздувалась, заглывая горы одежды, обуви, лекарств. Я бы взял только Марию, я ее и взял. А мама продолжала составлять списки необходимых вещей и вещиц, теряла их, писала новые, советовалась с Аникой, находила прежние, путалась и по десять раз все перепроверяла. Хорошо, что к дну сумки приделаны колесики, иначе ее не сдвинуть.

Но папа смог. Поднял и поставил наш небесно-звездочный баул в багажник пожилой «Лады». Мы же погрузились в салон, пристегнулись и отправились в аэропорт. Никогда раньше я не бывал в папиной машине. Она обыкновенная, совсем небольшая, как жираф умудряется в ней помещаться? Я подумал об этом сначала, когда только забирался внутрь, а потом понял.

Болтаясь на заднем сидении, я все ждал, что папа повернется и заметит меня, может быть, что-то скажет. Но мы просто ехали. И было такое неприкаянное чувство, будто мы смотрим из кабины развлекательного аттракциона, а вокруг показывают кино. Дома, люди, деревья, другие машины — только запись на пленке. Фальшивка. Одни мы настоящие.

Я поглядывал на папин затылок, ловил его юркий бесцветный взгляд в зеркале заднего вида, слушал голос, когда они с мамой обсуждали подробности его грядущей одинокой жизни: пельмени в морозилке, там же котлеты, звонить будем редко из-за роуминга, надо вызвать мастера для стиральной машины, бу-бу-бу, ду-ду-ду. И мне хотелось плакать, потому что ужасно тяжело уместить в себе то, что я наконец понял. Никакой он не жираф! Простой дяденька. Словно выеденный изнутри личинками жуков-короедов, бесконечно усталый и чужой всем на свете. Неловко ковыляющий на высоких ходулях, которые упрямо привязывает к ногам, чтобы подняться над нами. Балаганный лицедей. Мой папа.

Но ничего, ничего, сейчас я встречусь с Аникой и мы втроем полетим выше облаков. Вчетвером, если считать Марию. Теперь не надо высматривать жирафа, от этого даже легче. Теперь только небо и мы.

Аника ждала в аэропорту. Папа не остался, он и так потратил слишком много времени. Наверное, в его цирке оно имеет особый вес. Уходи, скрывайся, делай вид, что незнаком с нами. Береги ноги — если оступишься, тебя не соберет вся королевская рать. А нам пора суетиться, выстаивать длинные очереди и метаться в поисках нужного терминала.

Аника сходу поцеловала меня в щеку. Своими губами! Понятно, что не чужими, но это непостижимо: Аникины губы на моей щеке. Кожей я почувствовал лишь беглое касание, зато умом почти умер от взрывного изумления. Почти, потому что не успел. Нужно пройти регистрацию! Быстрее, быстрее!

Аника уже все знает и показывает дорогу. У нее стремительная походка, чуть обеспокоенные глаза и нервные порывистые руки. Пустые. В них совсем нет багажа. Но ведь она приехала раньше. Наверняка ее сумку уже слопала широкая резиновая лента, а сонная тетка в окошке выдала картонный квадратик с цифрами. Вот и у нас уже есть похожие номерки. Вот мама легонько берет меня за локоть, и мы плывем в толпе по блестящему серому полу. Вот нас будто волной прибывает к высокому столу контроля. Вот несет дальше — мимо охранника в голубой рубашке, через визгливую рамку металлоискателя, в большой зал. Здесь таинственно шелестят голоса пассажиров, протяжными чайными криками объявляют новости о рейсах электронные дамы, пахнет свежим йодно-соленым нетерпением. И окно от пола до потолка. А за ним асфальтовые полосы и самолеты, обманчиво невозмутимые, как знаменитые бегуны на старте.

Я оглядываюсь, чтобы показать их Анике. Оглядываюсь и не нахожу ее. Позади не видно пестрых узоров атласного платка, Аники здесь нет! Мама следит. Обнимает за плечи. Подталкивает вперед. Взволнованно дышит в ухо:

— Все хорошо. Не бойся. Все будет хорошо.

Я хочу верить. Аника задержалась, думаю я. На минутку потерялась среди голубых форменных рубашек. Уступила очередь немощному старику или молодой женщине с двумя детьми. Она добрая — моя Аника. И все же я теперь судорожный комок тугих мышц. Летучая мышь, распознающая ультразвук. Муха с фасеточными глазами.

Покорно следуя за мамой, я пытаюсь видеть спиной.

Ноги вяло отталкиваются от ступенек, волокут меня к длинному желтому автобусу. Рокот мотора вибрирует в суставах и зубных пломбах. Воняет химическими освежителями, грязной одеждой, влажными подмышками и прогорклыми нездоровыми ртами. Приближается бледное самолетное брюхо. Брюхо мертвой рыбы.

Поток пассажиров толчками вливается внутрь. Напирает сзади. Хочет, чтобы я не задерживал и поднялся по трапу. Торопит. Тянет. Требует.

Я должен объяснить, что без Аники нельзя в Китай!

Без нее никуда нельзя!

— А-а-а-а! — кричу я. — А-а-а-а! А-а-а-ани!

Царапаю воздух ногтями, пытаюсь ухватиться за него, но он ломается и жалит мелким стеклянным крошевом. Я поворачиваюсь, чтобы бежать обратно, к ней и проваливаюсь в зыбучий асфальт.

— А-а-а-ани!

— Егор! Посмотри на меня! Пожалуйста! — умоляет мама, но ее, словно конфетный фантик, подхватывает ветер и уносит в Поднебесную. Я один.

— А-а-а-а!

Локти и колени выгибаются внутрь. Пальцы становятся крабьими клешнями. Кто давит их каблуками? Кто ломает мои кости? Скелет размягчается и закручивается в узлы. Затылок мелко бьется о твердое. Мама, вернись! Прекрати это! Язык больше подушки, он забивает горло!

— У-у-у-у! — воет из меня боль.

- Господи, у ребенка припадок!
- Держите голову!
- Помогите! Помогите нам!
- Вызывайте скорую!
- Егор! Егор, смотри на меня!

И я смотрел. Сверху. Пустой и круглый. Привязанный к маме тонкой белой ниткой, которую так просто оборвать. Но зачем?

Смотрел на рыхлую тень самолетного крыла, которая разделила надвое мальчишескую фигурку посреди огромного летного поля — скрюченную запятую, половина темная, половина бледная. На тесное кольцо незнакомцев вокруг нее. На визгливую машину с мигалкой, на человека с квадратным оранжевым чемоданом. И даже выхватил быструю серебристую вспышку, когда солнечный луч скользнул по тонкой игле шприца в его руке. А потом наступила ночь.

Ночью приходили сны, но я не запомнил даже малюсенького кусочка. Время полного растворения. Упоительного, даже когда я нехотя выбирался из мглистого тумана и понимал себя в больничной палате под рельефными, будто гипсовыми, складками простыни. Или когда открывался мой слух. Для скрипа дверей, телефонных звонков на сестринском посту, тряских колесиков каталок, резких окриков медсестер и сиплого подкашливания соседа по комнате.

Для торопливого шепотка Цикады.

— Как же так? Вам верили, вам столько денег дали, и что теперь? Получается обман, ведь Егор в Китай не полетел. Никому не докажешь. А сколько надежд у людей было! И такое разочарование. Разве можно всех подводить? О чем ты вообще думала?

— Закрой рот, — глухо приказала мама, — или я тебя ударю.

Молчали вдвоем, долго, пока тетка не начала шмыгать носом:

— Я не умею утешать. Когда папа болел, мама запрещала сочувствовать. За каждый вздох выговаривала. Даже скорую вызывали бодрыми веселыми голосами. Я тогда чуть с ума не сошла. Не злись, мне тоже плохо, я никчемная.

— Дурочка ты глупенькая, прости меня, — всхлипнула мама. Они обнялись, как маленькие девочки, им стало легче. Или я уже заснул?

— Тише, тише, только флакон поменяю, — коротенькая медсестра устало потянулась к металлической подставке для бутылок с лекарством. Оно капало в гибкую трубку, а из нее в мою вену. — Пить хочешь?

Хорошая. Ей, правда, это важно. Но я не хотел. Хотел, чтобы пришла Аника.

И она пришла:

— Егор, мне очень стыдно. Я не могла лететь с тобой, но обманывала. Я так виновата...

Это ерунда, полная ерунда. Ясно же, что ты старалась как лучше. Но там, в аэропорту, я подумал, что тебя не пропустили охранники. Боялся, что снова назвали террористкой или еще хуже. Если бы ты сразу сказала, что остаешься, я бы сумел сесть в самолет. Без тебя Китай — никчемная суета, но ты столько сделала для этой поездки. И она слишком важна для мамы. Я бы смог. Наверное. Не знаю, не хочу думать. Хочу смотреть на тебя. До чего я рад, что ты здесь! Знаешь, папа снял ходули. Я недолго видел его за стеклянной дверью, вон той. Хорошо, что он решил немного от них отдохнуть. Нам всем надо отдохнуть. Поэтому я постоянно сплю. Но ты не уходи, я быстро проснусь.

И я проснулся.

И я просыпался снова и снова.

И вернулся домой.

Теперь я выношу на балкон стул с удобной широкой спинкой. Усаживаюсь и впитываю улицу. Мама не тревожится, позвякивает посудой на кухне или слушает

телевизор, занимаясь домашними делами. И не торопится. Нам еще не пора, есть время, чтобы все закончить.

С детской площадки доносятся голоса малышни, похожие на птичьи вскрики. Они переплетаются с гулом машин, с прерывистыми сигналами светофора на перекрестке. Смешиваются с пестрыми запахами большого двора, где жильцы обязательно жарят картошку, выпускают в форточки струйки табачного дыма и развешивают белье, выстиранное «Альпийской свежестью». Ветер подхватывает эту будничную смесь, наполняет шелестом листопада, встряхивает и выдувает блестящий мыльный пузырь. Я запрокидываю голову, чтобы удержать его на кончике носа.

Или разглядываю старый тополь, у корней которого покоятся забытые секреты. И наш Китай. Не похороненный, а только спрятанный на время. Нам придется подождать новое приглашение из клиники и другое расписание процедур. Потому что многое изменилось, и в моей медицинской карте красуются два вопросительных знака. Две змеи. Новая тоже стоит на хвосте, охраняя «эпилепсию». Чуткие устройства с проводками и стальными зажимами, тесты и расплывчатые показатели анализов не сумели ее распознать. Но такие люди, как я, подозрительны, их нельзя отпускать с пробелами в документах. Зато моей маленькой кобре теперь не скучно. У нее появилась компания. Пусть шипят друг на друга в свое удовольствие, мне не жалко.

Я вообще ни о чем не жалею. Если кто-то живет с холодной кровью или прикрывается жирафьей шеей, делаясь от этого смелее, так тому и быть. И цикады вполне хороши. Они — тягучая мелодия летних ночей, воспевающая прошлые мечты. Без них было бы слишком одиноко. Сын Марии мог бы правильно объяснить, он понимал. Я пока только догадываюсь. И мама, и Аника тоже.

Аника появляется внезапно. Всякий раз упускаю тот момент, когда она выходит из-за угла. И забываю о времени. Пора собираться, нас ждут занятия в центре творческого развития для слегка подавленных людей. Но я не спешу. Любуюсь ее черными пружинистыми волосами, которые свободно падают на плечи и упруго колышутся в такт быстрым уверенным шагам. Она гордо несет свои непослушные локоны, смуглую кожу и самое красивое в мире имя.

— Ани! — громко зову я.

Аника поднимает лицо и улыбается. Всей собой. И я улыбаюсь так же.